

О. В. Попова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПО ДАННЫМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2015 ГОДА*

Статья посвящена актуальной проблеме оценки петербуржцами своей политической идентичности. Цель статьи — выявить состояние этой значимой установки политического сознания, которая определяется через оценку трех уровней идентичности (идеологической, партийной, персонифицированной). Кроме того, в статье решаются следующие задачи: выявляется степень соответствия уровней политической самоидентификации, определяются особенности политической самоидентификации различных социальных групп, проживающих в Санкт-Петербурге, степень соответствия политической оценки населения их политическим ценностям. Выявляется целый спектр оценок социальной и политической жизни российского общества петербуржцев с различными моделями политической идентичности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных в информационной политике государства, практической деятельности различных политических акторов. Материалы статьи основаны на данных эмпирического политического исследования «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере Санкт-Петербурга» («Политический Петербург–2015»), выполненного на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. В ходе исследования удалось зафиксировать особенности политических самооценок населения Санкт-Петербурга, что, в свою очередь, позволяет на основе системы косвенных критериев оценить перспективы различных политических сил, конкурирующих за лидирующие позиции в политическом классе. Библиогр. 10 назв. Ил. 4.

Ключевые слова: политическое сознание, политическая самоидентификация, политическая идентичность, идеологическая идентичность, партийная идентичность, персонифицированная идентичность, политические ценности, жители мегаполиса, социально-демографические группы.

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; pov_64@mail.ru

Popova Olga V. — Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; pov_64@mail.ru

* Эмпирическое политическое исследование «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург — 2015») №106–91 выполнено на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета (директор Ресурсного центра кандидат социологических наук С. М. Снопина) в марте–апреле 2015 г. Руководитель проекта — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета О. В. Попова. Исследовательская группа: кандидат политических наук доцент О. В. Лагутин, кандидат политических наук доцент Е. О. Негров, кандидат политических наук ассистент Д. А. Будко, ассистент А. В. Шентякова, аспиранты Р. К. Кучаков и С. И. Суслов. Метод опроса — телефонное интервью. Объем выборки — 1204 человека, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

**THE POLITICAL IDENTITY OF THE INHABITANTS
OF ST. PETERSBURG: RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH (2015)**

The Present article is devoted to the problem of the self-concept of Saint Petersburg citizens' political identity. The aim of the article is to identify the condition of this significant installation of political consciousness, which is determined through the self-assessment at three levels such as ideological, party-affiliated, and personal. The article is addressed to the following tasks: revealing the extent of levels of political identity, defining the political identity of different social groups living in Saint Petersburg, revealing the degree of concordance of the population's political self-concept with their political values. This reveals a whole range of assessments of social and political life of Russian society in St. Petersburg with various models of political identity. The practical significance of the article lies in the possibility of using the obtained data in state information policy as well as practical activities of different political actors. The article is based on data presented in the empirical political research work entitled: "The Peculiarities of Political Consciousness of the Inhabitants of the Russian Megapolises in Situations of Systemic Economic Crisis: the Example of Saint-Petersburg" ("Political Petersburg-2015"). This research was conducted on the basis of the Resource Centre of St. Petersburg State University of Sociological and Internet Research. The survey method was telephone interviews. Sample size is 1204 persons permanently residing in St. Petersburg. The sample is random, sampling with quotas according to the following characteristics: gender, age, education, area of residence. Over the course of research we were able to capture features of political self-evaluations of the population of St. Petersburg, which, in turn, allows us on the basis of indirect criteria to assess the prospects of various political forces competing for leading positions in the political class. Refs 10. Figs 4.

Keywords: political consciousness, political identification, political identity, ideological identity, party identification, personalised identity, political values, inhabitants of the metropolis, socio-demographic groups.

В последние пятнадцать лет российские ученые — философы, политологи, социологи, антропологи — активно занимаются проблемами изучения различных сторон политической идентичности, акцентируя внимание в том числе и на прикладных аспектах данной проблемы, в частности, на особенностях этих установок у жителей различных регионов и механизмах формирования той или иной модели различных социальных и политических групп [1–10]. Но при этом достаточно часто политические акторы упускают возможности использования полученных результатов в своих политических кампаниях.

Выполненное на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета эмпирическое политическое исследование «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере Санкт-Петербурга» («Политический Петербург — 2015») №106–91 позволило оценить состояние некоторых компонентов политических установок населения города.

Убеждены, что им наиболее близки коммунистические взгляды, 14,2 % петербуржцев, социал-демократические — 19,8 %, либеральные — 12,2 %, консервативные — 7,1 %, националистические — 1,7 %, анархистские — менее 1 % опрошенных петербуржцев. 10,8 % полагают, что обладают смешанными политическими взглядами (рис. 1). В большинстве случаев оценка респондентами своих взглядов как смешанных выглядит вполне адекватно (например, «все по чуть-чуть», «коммунистические с социал-демократическими», «консервативные с националистическими», «либерально-консервативные»); однако встречались и абсолютно экзотические, т.е. нереалистические, сочетания политических взглядов («монархистско-коммунистические», «анархистско-консервативные» и т.д.). Часть опрошенных

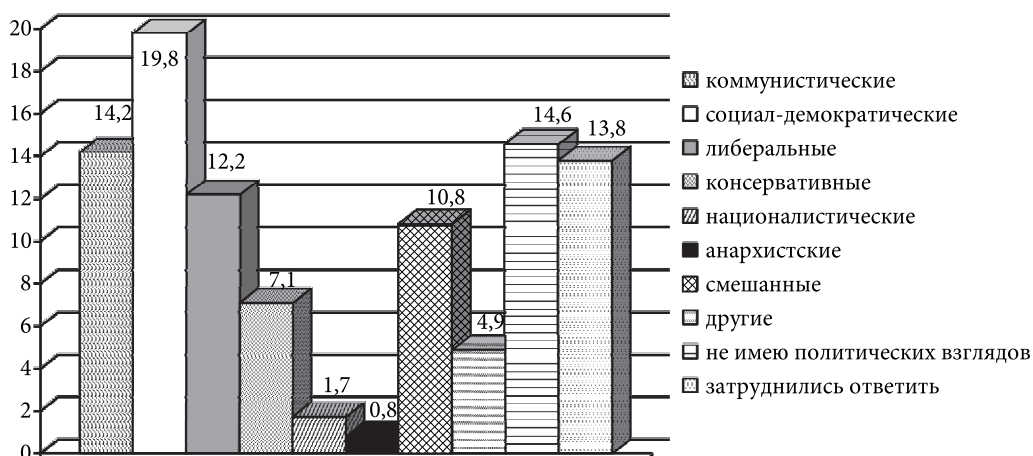

Рис. 1. Оценка петербуржцами своих политических взглядов (2015 г., %)

в качестве одного из компонентов своих взглядов указывала ЛДПР, перенося название партии на обозначение политических убеждений.

Еще 4,9% респондентов сказали, что они — носители иных политических взглядов. 14,6% петербуржцев считают, что у них вовсе нет никаких политических убеждений, а 13,8% затруднились с ответом. Таким образом, около 28,5% петербуржцев не склонны в принципе рефлексировать по поводу своих политических убеждений.

28,5% петербуржцев убеждены, что ни одна из ныне существующих политических организаций не выражает их интересы, еще 18,6% затруднились ответить. Таким образом, около 47% петербуржцев не имеют четко выраженного позитивного образа «своей» партийной организации. 28,6% опрошенных петербуржцев полагают, что наилучшим образом их интересы выражает «Единая Россия», по 6,9% думают так о «Справедливой России» и КПРФ, 4,1% отдает приоритет ЛДПР. 2,7% назвали другие партийные организации (рис. 2).

К весне 2015 г. Министерством юстиции было зарегистрировано свыше 70 партийных организаций, которые имели право участвовать в выборах, вести агитацию и т. д. Тем не менее, с учетом респондентов, которые считают «своей» партией «Гражданскую платформу» и «Яблоко» (согласно результатам опросов, Санкт-Петербург остается «вотчиной» этой партии в том смысле, что в региональном парламенте фракция этой партии достаточно заметна своими инициативами; в других населенных пунктах уровень поддержки населением этой партийной организации значительно ниже), только 6,4% петербуржцев назвали одну из них в качестве выражающей их интересы.

Персонифицированный уровень политической идентичности сформирован у петербуржцев несколько лучше, чем партийный. 22,3% не смогли назвать российского политика, чьи убеждения максимально совпадают с их политической позицией (14,0% заявили, что такого просто не существует, еще 8,6% затруднились с ответом). 60,7% считают, что их интересам соответствуют взгляды В. В. Путина; 4,4% однозначно назвали В. В. Жириновского. Показатели других политических лидеров — М. Д. Прохорова, Г. А. Зюганова, А. А. Навального, С. М. Миронова,

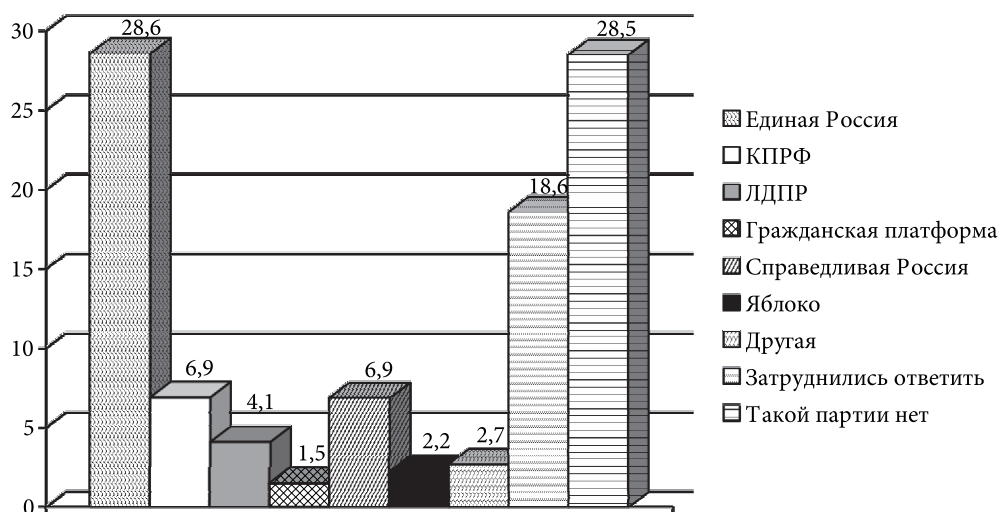

Рис. 2. Партийная самоидентификация петербуржцев (2015 г., %)

Г. А. Явлинского — ниже 3 %, т. е. меньше показателя статистической погрешности (рис. 3).

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что партийные лидеры 1990–2000-х годов в глазах петербуржцев находятся на излете своей карьеры, а новые политики также пока не находят широкой поддержки социальных групп. Другого политика (в этот список вошли известные политики — выходцы в большую политику из Санкт-Петербурга Д. А. Медведев и О. Г. Дмитриева, а также С. В. Лавров, С. К. Шойгу, А. Л. Кудрин, Д. О. Рогозин, Р. А. Кадыров, Е. Я. Сатановский и М. Б. Ходорковский) также назвали менее 3 % респондентов.

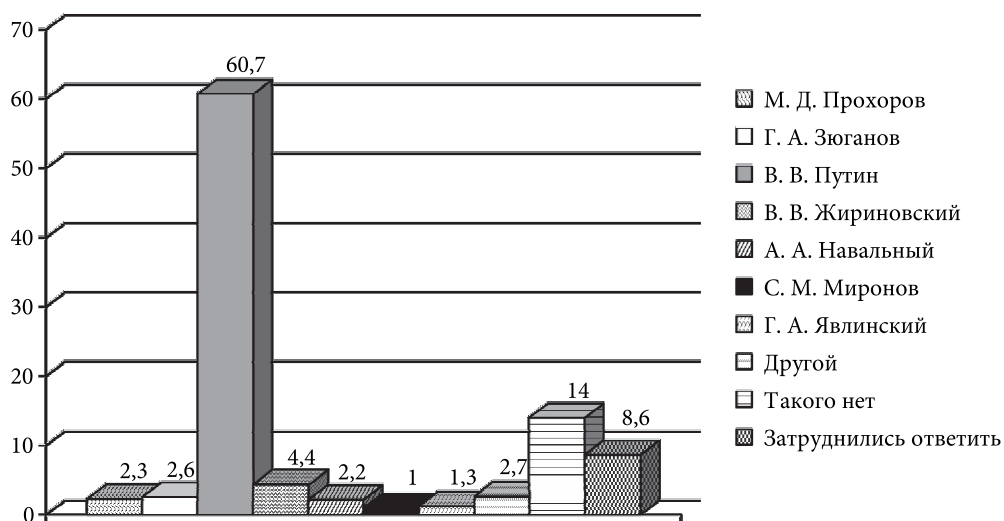

Рис. 3. Персонифицированный уровень политической идентичности петербуржцев (2015 г., %)

Сохраняется статистически значимая связь между партийным и персонифицированными уровнями политической идентичности (коэффициент корреляции Пирсона равен +0,403). Однако оценка собственных политических взглядов и убежденность в том, что в России существует партия, выражающая интересы конкретного человека, статистически между собой не связаны, хотя в целом стандартизованные остатки обнаруживают некоторые закономерности. Так, например, считающие «своей» партией «Единую Россию» петербуржцы склонны обозначать свои взгляды как социал-демократические, хотя в программе этой партии крайне мало социал-демократических идей, а сторонники ЛДПР — как либеральные, хотя ЛДПР — популистская партия, либеральная только по своему названию, а ее программа практически ничего общего с либеральной идеологией не имеет. При этом часть петербуржцев абсолютно адекватно связывает свои партийные предпочтения и политическую ориентацию. Так, например, сторонники «Гражданской платформы» и «Яблока» склонны считать себя либералами, а КПРФ — носителями коммунистических взглядов¹.

Аналогичная картина — с отсутствием статистически значимой корреляции между идеологическим и персонифицированным уровнями политической самоидентификации петербуржцев, но при этом при микроанализе комбинированной таблицы с этими признаками обнаружены статистически значимые стандартизованные остатки: петербуржцы, оценивающие свои взгляды как коммунистические, склонны считать «своим» политиком Г. А. Зюганова, либеральные — М. Д. Прохорова и А. А. Навального, националистические — В. В. Жириновского².

При этом петербуржцы, убежденные, что они являются носителями социал-демократических взглядов, склонны считать, что лучше всего их интересы выражает В. В. Путин³, а не С. М. Миронов (идеологическая программа «Справедливой России» как раз и является социал-демократической). Вообще среднестатистический российский гражданин, и петербуржцы в этом смысле не исключение, склонен ассоциировать «Единую Россию» с образом В. В. Путина, считая его главой этой партии, хотя формально он курирует ОНФ, а отношения к «партии большинства» не имеет.

Формирование и состояние базовых — идеологического, партийного и персонифицированного — уровней политической идентичности населения Санкт-Петербурга с национальностью петербуржцев практически не связаны. Петербуржцы вне зависимости от того, являются ли они представителями титульной нации или принадлежат к иным этническим группам, имеющим административную структуру в других регионах России или за рубежом, склонны сходным образом трактовать идеальные образы «своих» идеологии, партии или политика. Обнаружены лишь незначительные отличия. Отметим стоит, пожалуй, только одно, имеющее значение для Санкт-Петербурга. Этот мегаполис — едва ли не единственный населенный пункт в стране, где сохраняется поддержка «Яблока» и одного из его основателей Г. А. Явлинского — поддержка пусть и незначительная, но позволившая

¹ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +3,5; +3,7; +1,9; +3,7; +14,3.

² При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +8,1; +4,8; +4,1; +2,2.

³ Стандартизованный остаток при достаточном наполнении соответствующей ячейки равен +2,2.

партии быть представленной в региональном парламенте. При этом выяснилось, что представители иных этнических групп в большей степени, чем русские жители мегаполиса, склонны полагать, что этот политик выражает их взгляды⁴. И они же чаще, чем русское население Санкт-Петербурга, называют «своими» новые малые партии, не входящие пока в федеральный и региональные парламенты⁵.

Определенные гендерные различия политической самоидентификации жителей Санкт-Петербурга удалось обнаружить достаточно легко. Так, например, женщины в большей степени, чем мужчины, склонны считать, что «их» партии — это «Единая Россия» и «Справедливая Россия», в то время как для мужчин в большей степени «своими» являются КПРФ, ЛДПР, «Яблоко». Кроме того, мужчины в большей степени, чем женщины, склонны ориентироваться на новые «малые» партии, созданные после изменения партийного законодательства после 2012 г. Но мужчины же и более критичны в плане выбора партии; они чаще склонны считать, что в России нет партии, которая выражала бы их интересы (см. рис. 4).

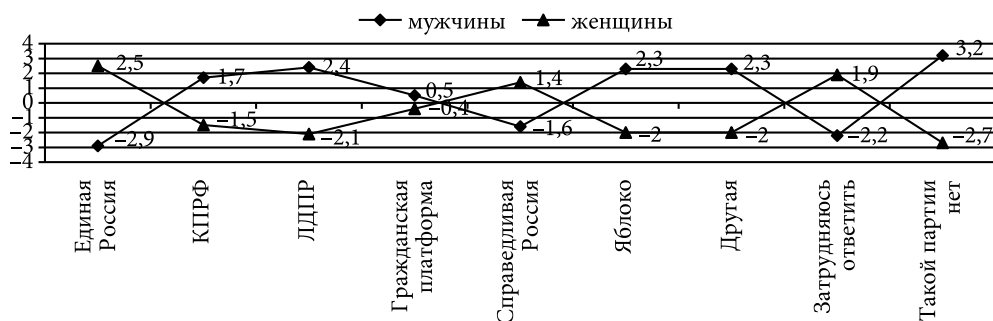

Рис. 4. Партийная самоидентификация мужчин и женщин в Санкт-Петербурге (стандартизованные остатки)

Также мужчины более скептически настроены по поводу наличия в стране политика, который выражал бы их интересы. Представители сильного пола чаще считают себя носителями националистических или смешанных взглядов, чем женщины, которые более склонны думать, что обладают социал-демократическими взглядами. В отношении других типов политических взглядов различий в предпочтении между мужчинами и женщинами не выявлено.

Определенные отличия в восприятии политических идеологий, партий и политиков представителями разновозрастных петербуржцев связаны прежде всего с расколом убеждений самых младших (18–29 лет) и самых старших (старше 60 лет) петербуржцев.

Например, молодые жители Санкт-Петербурга часто оценивают свои взгляды как либеральные, анархистские или смешанные и менее всего — как коммунистические⁶. Петербуржцы в возрасте до 30 лет называют «своим» такого политика, как В.В. Жириновский, но при этом старательно дистанцируются от взглядов

⁴ Стандартизованный остаток равен +2,1.

⁵ Стандартизованный остаток равен +1,8.

⁶ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +2,7; +1,7; +2,5; -2,9.

Г. А. Зюганова, В. В. Путина, С. М. Миронова⁷. Около 18 % представителей данной возрастной группы полагают, что политика, выражающего их интересы, просто не существует, 12 % затрудняются ответить на этот вопрос⁸. Эти 30 % петербургской молодежи — объект самой яростной агитации во время предвыборной кампании кандидатов с целью привлечь их на свою сторону. Они менее всего склонны из парламентских партий поддерживать КПРФ или «Справедливую Россию», но при этом легко могут стать «добычей» со стороны агрессивных напористых политтехнологов и политических манипуляторов, поскольку склонны затрудняться больше других групп с выбором «своей» политической партии⁹.

Жители Санкт-Петербурга старше 60 лет в большей степени, чем другие возрастные группы, оценивают свои убеждения как коммунистические или затрудняются в их оценке и не считают себя либералами, консерваторами, носителями смешанных взглядов или вообще лишенными политических убеждений¹⁰. Они более активно, чем другие возрастные группы, поддерживают КПРФ и «Справедливую Россию», но меньше — «Единую Россию» и не склонны думать, что на политической арене современной России нет партии, которая выражала бы их интересы¹¹. Самые пожилые жители Санкт-Петербурга указывают, что их взгляды лучше всего выражают Г. А. Зюганов, С. М. Миронов или какой-то другой политик, не включенный в список, но не поддерживают В. В. Жириновского, как правило, не считают, что «их» политика не существует, и не затрудняются с ответом¹².

30–39-летние петербуржцы охотнее, чем другие возрастные группы, поддерживают ЛДПР¹³. Культурный капитал сторонников В. В. Жириновского не слишком высок: его, как правило, поддерживают люди, не имеющие даже полного среднего образования, и редко — петербуржцы, имеющие высшее образование¹⁴.

Обладатели незаконченного высшего образования (студенты петербургских вузов старших курсов) чаще полагают, что их политические взгляды — либеральные и лучше других политиков их выражают М. Д. Прохоров и А. А. Навальный, но отнюдь не действующий президент В. В. Путин; кроме того, они придерживаются мнения, что поле российской политики настолько зачищено, что у них просто нет «своего» политика¹⁵. Такая установка отражает высокую степень скептицизма студентов по поводу характера политических процессов в современной России, но одновременно делает их достаточно легкой добычей для новичков — «темных лошадей» —

⁷ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,6; -1,6; -1,7.

⁸ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,8; +2,0.

⁹ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно -3,3; -1,7; +2,4.

¹⁰ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +4,5; +2,7; -2,4; -2,4; -1,8.

¹¹ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +4,0; +4,7; -1,7; -2,3.

¹² При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +3,1; +3,0; +2,1; -1,6; -2,9; -3,0.

¹³ Стандартизованный остаток равен +2,8.

¹⁴ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,9; -1,9.

¹⁵ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +2,4; +2,1; +2,2; -2,1; +3,0.

на политической арене. Обладатели же высшего образования также в большей степени, чем обладатели других уровней, считают себя либералами, но из двух либеральных оппозиционеров — М.Д. Прохорова и А.А. Навального — предпочтение отдадут, скорее, первому из них¹⁶. Достаточно четко проявляются идеологические предпочтения обладателей среднего профессионального образования, которые склонны считать себя коммунистами или анархистами, но никак не носителями либеральных или смешанных взглядов¹⁷. Фактор образования также проявляется в партийной идентификации петербуржцев. Так, например, обладатели высшего образования в меньшей степени, чем другие группы, склонны считать «своей» «Единую Россию», что с лихвой компенсируется ориентацией на эту партию обладателей полного среднего образования; петербуржцы со средним профессиональным образованием в большей степени, чем другие группы, ориентируются на ЛДПР¹⁸.

Также заметен и определенный раскол политических установок петербуржцев в зависимости от их рода деятельности. Так, например, М.Д. Прохорова склонны считать «своим» политиком студенты, но не склонны рабочие; Г.А. Зюганов — «свой» для пенсионеров (как и С.М. Миронов), но абсолютно не воспринимается большинством студентов¹⁹. В большей степени, чем другие группы (хотя у этого политика лучшие показатели с точки зрения персонифицированной идентификации с ним), склонны считать совпадающими свои убеждения с политическими взглядами В.В. Путина пенсионеры и военнослужащие²⁰. В.В. Жириновский — «свой» в большей степени для рабочих, рядовых работников торговли и сферы обслуживания, а также для технических специалистов, но при этом не склонны разделять его взгляды пенсионеры и представители петербургской гуманитарной интеллигенции²¹. Политические убеждения А.А. Навального в большей степени, чем другим группам, близки предпринимателям, а Г.А. Явлинского — пенсионерам и представителям гуманитарной интеллигенции²².

Достаточно четко фиксируется и идеологическая идентификация представителей различных сфер деятельности. Так, рабочие в большей степени, чем другие группы, склонны считать, что у них нет вовсе никаких политических убеждений, а пенсионеры — считать себя коммунистами. Социал-демократические идеи менее всего симпатичны инженерно-техническим работникам и рядовым работникам торговли²³. Как и следовало ожидать, в большей степени, чем другие про-

¹⁶ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +2,1; +1,8.

¹⁷ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,7; +2,1; -3,0; -2,6.

¹⁸ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно -1,9; +2,0; +2,3.

¹⁹ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,9; -2,0; +2,6; +2,0; -1,6.

²⁰ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,7; +1,6.

²¹ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,6; +2,4; +2,1; +1,6; -2,3; -2,0.

²² При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +2,1; +1,7; +2,5.

²³ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +2,5; +2,8; -1,8; -2,1.

фессиональные группы, тяготеют к оценке своих взглядов как либеральных предприниматели и студенты вузов, что менее всего характерно для пенсионеров²⁴. Консервативные идеи более всего симпатичны представителям управленческих структур и домохозяйкам, а смешанные — инженерно-техническим работникам и техническим специалистам, рядовым работникам торговли, студентам²⁵. В большей степени, чем представители других видов деятельности, убеждены в собственной аполитичности и отсутствии у них каких бы то ни было идеологических установок рабочие, рядовые работники сферы услуг, а наибольшие сложности с определением характера своих политических взглядов испытывают пенсионеры²⁶.

Формально статусная самооценка петербуржцев с их политической идентичностью не связана, однако анализ установок людей с различным уровнем дохода показывает, что это не совсем так. Микроанализ комбинированных таблиц убеждает, что у самых малообеспеченных жителей Санкт-Петербурга, чьи доходы не превышают 10 000 рублей ежемесячно на каждого члена семьи, доминирует негативная модель политической идентичности: они реже указывают в качестве «своего» политика М. Д. Прохорова, а в качестве своих взглядов — либеральные²⁷. Петербуржцы с очень невысокими доходами от 10 000 до 13 000 рублей ежемесячно на каждого члена семьи, в большей степени, чем другие группы, склонны считать «своим» политиком В. В. Путина, но при этом не считают себя консерваторами²⁸. Достаточно неожиданной оказалась ориентация людей с ежемесячным доходом от 13 000 до 18 000 рублей на каждого члена семьи на коммунистические идеи и оценку Г. А. Зюганова как «своего» политика²⁹. Получается, что на коммунистов ориентируются люди с очень невысокими доходами, но все же чуть более благополучные в материальном плане, чем те, кто активно поддерживают действующую власть. В группе наиболее обеспеченных петербуржцев с ежемесячным доходом свыше 28 000 рублей на каждого члена семьи наблюдается раскол в идеологической идентичности: некоторые из них склонны считать себя либералами, некоторые — социал-демократами, некоторые — консерваторами³⁰.

Итак, в преддверии нового электорального цикла результаты исследования трех базовых уровней политической самоидентификации жителей одного из самых крупных российских мегаполисов показывают, что не менее трети взрослого населения Санкт-Петербурга ориентируются на левые идеи, при этом лидирующей является социал-демократическая идеология.

²⁴ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +1,7; +1,8; -1,8.

²⁵ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +3,4; +1,8; +2,1; +1,7; +2,1.

²⁶ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно +2,5; +1,6; +1,9.

²⁷ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны соответственно -1,8; -2,1.

²⁸ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны +1,7; -1,8.

²⁹ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны +2,2; +1,7.

³⁰ При достаточном наполнении ячеек стандартизованные остатки равны +1,6; +1,6; +3,1.

Вторую позицию занимают коммунистические идеи, что дает шанс КПРФ на прохождение и в Госдуму, и в региональный парламент. При этом социал-демократические и коммунистические идеи актуальны преимущественно для старших возрастных групп.

Третья позиция — у либеральной идеологии, которая, несмотря на активную антилиберальную риторику некоторых политических деятелей, остается наиболее востребованной у молодых петербуржцев, которые не очень активно участвуют в выборах.

Наиболее надежные позиции с точки зрения партийной идентификации сохраняет «Единая Россия», однако ее успех обеспечивается преимущественно осознанием гражданами того обстоятельства, что эта партия в сравнении с другими политическими организациями имеет максимальные ресурсы для реализации своих предвыборных обещаний. Кроме того, в сознании петербуржцев данная партийная организация ассоциируется с образом В. В. Путина, который сохраняет даже в условиях жесткого экономического кризиса и резкого ухудшения материального положения населения наиболее высокие рейтинги доверия и поддержки.

Показатели персонифицированной идентификации петербуржцев со всеми другими политическими лидерами федерального уровня, являющимися фактическими лидерами парламентских партий, а также с заметными фигурами политической оппозиции, крайне невысоки. Фактически мы имеем дело с «уходящей натурой». Это дает пусть и небольшой, но реальный шанс на появление в новом электоральном цикле новых политических лидеров, которые могут быть поддержаны значимой в количественном отношении группой жителей Санкт-Петербурга. По крайней мере, петербуржцы готовы к позитивному восприятию и ожидают новых политиков, что не мешает им сохранять лояльность к действующей власти.

Литература

1. Баранов А. В. Политическая идентичность Новороссии: состояние и ресурсы конструирования // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 98–106.
2. Бедерсон В. Д. Персонифицированные образы как ресурс политики идентичности в субъектах РФ: стратегии региональных политических элит // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. Политология. 2015. № 2. С. 87–98.
3. Вицентий И. В. Политическая идентичность студентов в контексте концепта толерантности // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 139–144.
4. Зазаева Н. Б. Идентичность современного человека в политическом пространстве глобализирующегося общества // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2012. № 1. С. 214–219.
5. Крупкин П. Л. Политические коллективные идентичности в постсоветской Российской Федерации // PolitBook. 2014. № 1. С. 61–87.
6. Малов К. В. Политическая идентичность как основание социально-политического структурирования общества: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2012. 162 с.
7. Попова О. В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013 года) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 1. С. 4–13.
8. Руткаускайте М. В. Формирование политической идентичности современной российской молодежи в процессе политической социализации: факторы и агенты: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2012. 213 с.
9. Сандрюков Н. А. Политическая идентичность как фактор политической активности молодежи Московского региона // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 1 (28). С. 49–60.
10. Яшин А. В. Политическая идентичность Пермского края // Вестн. Пермск. гос. гуманитарно-педагогического ун-та. Сер. 3. 2013. № 2. С. 148–154.

Для цитирования: Попова О. В. Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга: по данным эмпирического исследования 2015 года // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 30–41. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.203

References

1. Baranov A. V. Politicheskaya identichnost' Novorossii: sostoianie i resursy konstruirovaniia [Political identity of NovoRussia: the state of the resources and the construction]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2015, no. 2 (43), pp. 98–106. (In Russian)
2. Bederson V. D. Personifitsirovannye obrazy kak resurs politiki identichnosti v sub'ektakh RF: strategii regional'nykh politicheskikh elit [Personalized images as a resource for identity politics in the regions of Russia: strategy of regional political elites], *Vestn. Permsk. un-ta. Ser. Politologiya* [Bulletin of Perm State University. Series: Politics], 2015, no. 2, pp. 87–98. (In Russian)
3. Vitsentii I. V. Politicheskaya identichnost' studentov v kontekste kontsepta tolerantnosti [Political identity of students in the context of the concept of tolerance]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy* [Civil Society in Russia: Status, Trends, Prospects], 2015, no. 1 (4), pp. 139–144. (In Russian)
4. Zazaeva N. B. Identichnost' sovremennogo cheloveka v politicheskom prostranstve globaliziruiushchegosia obshchestva [The identity of the modern man in the political space of the globalized society]. *Vestn. Povolzh. in-ta upravleniia* [Bulletin of the Volga Management Institute], 2012, no. 1, pp. 214–219. (In Russian)
5. Krupkin P. L. Politicheskie kollektivnye identichnosti v postsovetsoi Rossiiskoi Federatsii [Political collective identity in post-Soviet Russia]. *PolitBook*, 2014, no. 1, pp. 61–87. (In Russian)
6. Malov K. V. *Politicheskaya identichnost' kak osnovanie sotsial'no-politicheskogo strukturirovaniia obshchestva*. Autoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Political identity as the basis of social and political structuring of society. Thesis of PhD]. Novosibirsk, 2012. 162 p. (In Russian)
7. Popova O. V. Politicheskaya identichnost' molodezhi Sankt-Peterburga (po itogam empiricheskogo politicheskogo issledovaniia, noiabr' 2013 goda) [Political identity of young people in St. Petersburg (on the basis of empirical political research, November 2013)]. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. Ser. 6, 2015, no. 1, pp. 4–13. (In Russian)
8. Rutkauskaite M. V. *Formirovanie politicheskoi identichnosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi v protsesse politicheskoi sotsializatsii: faktory i agenty*. Autoref. dis. kand. polit. nauk [Formation of political identity of modern Russian youth in the process of political socialization: the factors and agents. Thesis of PhD]. Perm, 2012. 213 p. (In Russian)
9. Sandriukov N. A. Politicheskaya identichnost' kak faktor politicheskoi aktivnosti molodezhi moskovskogo regiona [Political identity as a factor of political activity of youth in the Moscow region]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2012, no. 1 (28), pp. 49–60. (In Russian)
10. Iashin A. V. Politicheskaya identichnost' Permskogo kraia [Political identity of Perm Region]. *Vestn. Permskogo gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta. Ser. 3* [Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Ser. 3], 2013, no. 2, pp. 148–154. (In Russian)

For citation: Popova O. V. The political identity of inhabitants of St. Petersburg: results of the empirical research (2015). *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 6. Political science. International relations, 2016, issue 2, pp. 30–41. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.203

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2015 г.,
рекомендована в печать 11 февраля 2016 г.